

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ТЕМЫ «ВЛАСТИ ЗЕМЛИ»
В ОЧЕРКОВЫХ ЦИКЛАХ
Г. УСПЕНСКОГО И Н. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО**

К концу века жанр очерка достигает вершины своего развития в русской литературе. В нём не только точно воспроизводятся явления и факты действительности, воссоздаются основные социальные типы русского общества – они исследуются, оцениваются, осмысливаются очеркистами. Как верно отметил Н. Соколов, очерк являлся тем жанром, который «совместил в себе возможности литературного и “нелитературного” вмешательства в жизнь» [3, с. 48]. Уже в 70–80-е годы очерк начинает выполнять несколько взаимосвязанных функций – информационную, исследовательскую, публицистическую, эстетическую. К художественному, обобщающему и вместе с тем исследующему принципу типизации обращаются, в частности, Г. Успенский и Н. Гарин-Михайловский. Они совмещают в своих очерках, освещающих жизнь русской деревни, документализм и художественный вымысел, который, однако, в большей степени, чем, скажем, у Салтыкова-Щедрина, был жизнеподобен. Не претендуя на всестороннее освещение вопроса, мы остановимся лишь на некоторых принципах изображения крестьян в очерковой прозе Г. Успенского и Н. Гарина-Михайловского.

В 80-е годы Г. Успенский создаёт циклы беллетризованных очерков художественно-публицистического характера; в это время в его творчестве отмечается интерес к русской пореформенной деревне. В очерковых циклах «Из деревенских дневников» (1877–1880), «Крестьянин и крестьянский труд» (1880), «Власть земли» (1882), «Из разговоров с приятелями» (1882) писатель стремился определить важнейшие особенности крестьянского быта и мирозерцания. В центре внимания автора – извечные отношения пахаря с землей, «власть земли» над ним и те новые хозяйственно-экономические отношения, в которые тот был включён после отмены крепостного права. Ю. Айхенвальд справедливо отмечал, что Г. Успенского нельзя понять вне истории русской общественной жизни, «...он как-то органически слит с русской жизнью, и всегда видишь у него те фактические поводы и пружины, те внешние социально-экономические силы или исторические события, которые привели отдельную личность к той или иной душевной катастрофе; у него, так сказать, нет психогенеза, т. е. душа его героев не рождает сама собою своих волнений и порывов, она не создаёт их без осязаемой причины, из тёмных недр собственного глубокого бытия, – без внешнего Глеб Успенский не обходится» [1, с. 287]. К этому можно добавить лишь то, что «без внешнего», без обращения к «злобе дня» не может обойтись ни один очеркист.

В очерках Г. Успенского осуществлялся обстоятельный анализ жизни крестьян в пореформенной России. Задачам исследования жизни деревни и поискам возможного их решения более всего соответствовал цикл беллетризованных очерков, который и создаёт писатель. Очерковый цикл позволял поставить ряд проблем и вместе с тем дать их развёрнутое художественное истолкование. Литературная критика не раз отмечала, что в творчестве Глеба Успенского сталкивается требование очерковой документальности и художественности. Так, Ю. Айхенвальд писал в этой связи: «Художнику перешёл дорогу публицист, художник слагает свои кисти перед человеком» [1, с. 282]. Нам представляется, что критик несколько преувеличил несовместимость публицистического и художественного начал; он замечает, скажем, что в произведениях Г. Успенского «рассказ и рассуждение ведут между собою борьбу – отголосок того глубокого раздвоения, какое переживает душа писателя» [1, с. 283]. По нашему мнению, рассказ и рассуждение вовсе не вступают в противоборство, а, напротив, дополняют друг друга, сосуществуют в прозе Г. Успенского. Идея автора обрела художественную плоть и убедительность. Яркие художественные обобщения помогают читателю разобраться в сложной и пёстрой картине действительности. Очерковый образ концентрирует в себе важнейшие социально-психологические черты русского крестьянства, отражает не индивидуальную, а социальную психологию. Отдельные персонажи, их судьбы в проблемном очерке необходимы прежде всего для выяснения социальных явлений и процессов, для характеристики жизни деревни в целом, что обуславливает известный схематизм психологического рисунка. Вместе с тем было бы неверно полагать, что персонажи Г. Успенского – это лишь одушевлённые социальные схемы. Скажем, Иван Босых предстаёт перед читателем со своей судьбой и характером, своими сомнениями и надеждами, прошлым и настоящим. Успенский мастерски включает в структуру очерка художественно-беллетристические миниатюры, лаконичными и точными штрихами намечая характер персонажа.

Значительную роль в очерках Г. Успенского играет диалог автора-повествователя с героем, скажем, разговор с Иваном Босых о возможности совместного труда, эффективность которого вызывает у крестьянина сомнение. Такой диалог служит не только для самохарактеристики персонажей – с его помощью вводится новая ситуация, возникают новые факты, дающие автору основания для социолого-публицистических обобщений. Важен и диалог с читателем, в который также нередко вступает автор-повествователь: он используется как импульс для развития публицистического тезиса, усиливает динамику в изложении авторской мысли. Кроме того, важнейшим средством типизации в очерках становится речевая индивидуализация. Обращение к народно-разговорной речи, включение в текст диалогов придаёт очеркам Г. Успенского убедительность и жизненную достоверность, а их стилю – непосредственность и динамичность. В повествовательной системе очерков и

рассказов писателя значительную роль играет образ героя-рассказчика, чрезвычайно близкого автору. Он направляет развитие сюжета, эмоционально оценивает и комментирует изображаемое и не скрывает своей власти над персонажем, который вместе с ним участвует в своеобразном эксперименте... Например, в «Заключении» цикла «Власть земли» Г. Успенский пишет: «И эти главнейшие черты, общие всему русскому обществу, мы укажем тоже грубо и в обрез, иначе опять будет трудно выбраться на дорогу. Черты эти и раньше нас и лучше нас отмечались в русской литературе, а потому мы предпочитаем лучше взять хорошее готовым» [5, т. 5, с. 200]. Успенский удачно переносил в свои произведения литературные типы, созданные его предшественниками и современниками, он относится к художественному образу как к жизненному факту, к тому же факту обобщённому. Герой-рассказчик, создавая модель ситуации, стремится быть объективным; в комментариях и публицистических отступлениях он прежде всего размышляет, анализирует, обобщает. Однако стремление к документализму и объективности не уничтожает в очерках эмоционального начала. Сочетать объективное отражение действительности с её субъективным, открыто публицистическим истолкованием в целом характерно для беллетризованного художественно-публицистического очерка. Публицистика опирается на художественный образ, дополняет, продолжает его, органично из него вытекая.

Писателя ужасало победное шествие капитализма, а его борьба с нарождающимся новым общественным строем имела сентиментально-романтический характер. При этом в иных сентенциях Г. Успенского ощущается весьма наивная агрессия: «...необходимо уничтожить всё, что носит мало-мальски чуждый земледельческому порядку признак: керосиновые лампы, фабрики, выделяющие ситец, железные дороги, телеграфы, кабаки, извозчиков и кабатчиков, даже книги, табак, сигары, папиросы, пиджаки и т. д. и т. д.» [5, т. 5, с. 55]. И здесь снова проступает чрезвычайно существенный социальный мотив, который наводит читателя на мысль о том, что цивилизация несёт зло крестьянству как носителю традиционной морали. Писатель полагал, что именно крестьянин может быть образцом совершенного человеческого типа: «Ни в какой иной сфере, кроме сферы земледельческого труда, <...> в бесчисленных его разветвлениях и осложнениях, мысль его так не свободна, так не смела, так не напряжена, как именно здесь, там, где соха, борона, овцы, куры, утки, коровы и т. д.» [5, т. 5, с. 32]. Эта мысль, как всегда у Успенского, сформулирована очень определённо и ярко эмоционально окрашена; его крестьянская утопия была следствием своеобразно понятого им опыта буржуазного развития современной ему Западной Европы и стремительно капитализировавшейся России. В очерковых циклах «Деревенский дневник» (1877–1880) и «Крестьянин и крестьянский труд» (1880) Г. Успенский вывел образ «истинного крестьянина». В первом случае это Иван Афанасьев, во втором – Иван Ермолаевич, у которых писатель почерпнул свой спасительный идеал «божеской жизни», «жизни трудами рук своих».

Во «Власти земли» (1882) Г. Успенский пошёл ещё дальше по пути идеализации крестьянина, заявив о том, «что земля – одна только непоколебимая и прочная основа благосостояния, что земледельческий труд – один только безгрешный, святой труд...» [5, т. 5, с. 159]. По мнению писателя, только крестьянский труд даёт простор для природного ума, силы, таланта. Более того, Успенский характеризует его как труд разносторонний и гармоничный. Герой очеркового цикла «Власть земли» Иван Босых изначально не принадлежал к числу любителей лёгкой наживы, поскольку был человеком «сильной породы», ловким и умелым в работе, мастером на все руки. Но и его развратили лёгкие деньги; а раз лёгкие, значит, в его глазах особой ценности они не имели и потому их можно тратить на выпивку, «мамзелей» и т. п. «Подобно значительной части истинных крестьян, – пишет А. Спасибенко, – Босых привык видеть источник благоденствия только в земле и продуктах земледелия, поэтому, совершенно беспечный в отношении к деньгам, он проявлял невообразимую скарედность и неуступчивость там, где дело касалось его собственной лошади, удобрения, хлеба» [4, с. 215].

Авторские оценки происходящего и неизбежного, как правило, резко негативные. Г. Успенский в своих произведениях создаёт выразительный образ «господина Купона», чьи отношения с людьми – это отношения купли-продажи и голого расчёта. Купон, негодует Успенский, всё может купить: чужую жену, талант, начальство, выборщиков. Писателя глубоко оскорбляет общество, основанное на рубле и во имя рубля, что свойственно и центральным персонажам очерков, скажем, «аристократически-крестьянской» душе «истинного крестьянина» Ивана Ермолаевича глубоко противна «вся эта возня из-за случайного рубля» [5, т. 5, с. 10]. Безземелье и малоземелье тысяч крестьянских семей, непомерные подати привели к концу 19 века русскую деревню на грань катастрофы, которую ясно обозначил голод 1891–1892 годов. Обобщённый образ страдающего народа создаёт Успенский в очерках «Бесхлебье», «Плачевные времена», «Пособники народного разорения», «Что-то будет дальше» (все – 1892). Среди основных причин бедственного положения крестьянства Успенский называет прежде всего социально-экономические: социально-экономическое расслоение деревни, появление кулаков, беззастенчиво грабящих бедноту, аграрную политику правительства, обрекающего народ на безземелье, непосильные подати, которые делают голод в России не случайным, а закономерным явлением. Одним из первых Успенский написал о том, что экономические отношения, условия труда крестьянства являются определяющими для его нравственной жизни. Писатель стремится не столько обличать и разоблачать, сколько анализировать те или иные явления деревенской жизни, поэтому в его очерке наряду с документальными фактами присутствует авторский вымысел, который, тем не менее, всегда опирается на действительность. В очерках Г. Успенского сельская жизнь по-своему статична и консервативна, она приемлет только один вид движения – по кругу, по траектории, заданной традицией. Это движение

неторопливо, подчинено календарному бытовому времени, но оно всякий раз соотносится со временем историческим, временем катастрофических перемен, несущих разрушение крестьянскому «миру». Г. Успенский стремится наиболее ясно и полно высказать своё отношение к русскому крестьянству, и жанр очерка, который он творчески трансформировал для решения этой задачи, предоставлял ему такую возможность.

Документально точно жизнь русской деревни была отражена и в очерках Н. Гарина-Михайловского. Его первыми произведениями на крестьянскую тему были очерки «Несколько лет в деревне» (1892). Очерки, составившие цикл, свидетельствуют о глубоком проникновении писателя в сущность жизни крестьянства. Он не только точно изображает, но и верно истолковывает факты и явления деревенской жизни. Построенные на фактическом материале, очерки убедительно свидетельствовали, что реформа не принесла крестьянам избавления от нищеты и гнёта. Н. Гарин-Михайловский отражает косность, невежество русского крестьянства, но вместе с тем отмечает и сильные стороны национального характера: «силу, выносливость, терпение, непоколебимость, доходящее до величия, ясно дающие понять, отчего русская земля “стала есть”» [2, т. III, с. 43]. «Несколько лет в деревне» отражали собственный опыт Н. Гарина-Михайловского, его попытки вести рациональное хозяйство и помочь крестьянам. Автор приходит к выводу, что, как бы ни были искренни намерения хозяина, желающего изменить традиционный сельский уклад, ни технические улучшения, ни дешёвые кредиты не могут изменить жизнь русской деревни, как невозможно изменить отношение крестьянина к землевладельцу. «С молоком матери, – пишет Н. Гарин-Михайловский о крестьянах, – всасывают они убеждение, что вы – враг его, что земля его, что вы дармоед и паразит» [2, т. III, с. 60]. Писатель изобразил деревню без всяких иллюзий, показал её в сложной ситуации брожения и кризиса. Искренность и документальность очерков привлекли внимание А. Чехова, который в письме А. Суворину от 27 октября 1892 года отмечал: «прочтите, пожалуйста, в “Русской мысли”, март, “Несколько лет в деревне” Гарина. Раньше ничего подобного не было в литературе в этом роде по тону и, пожалуй, искренности. Начало немножко рутинно и конец приподнят, но зато середка – сплошное наслаждение. Так верно, что хоть отбавляй» [6, II, т. 5, с. 126]. Такой взгляд на русскую деревню проявился и в чеховской прозе («Мужики», «В овраге», «Новая дача»). В своих очерках Н. Гарин-Михайловский сочетает выразительные и яркие зарисовки крестьянских типов и убедительный анализ экономической стороны деревенской жизни, что неоднократно отмечали исследователи его творчества. «Большое место в его публицистически заострённых очерках занимает цифровой материал, экономические выкладки, – пишет И. Юдина. – Гарин высчитывает убытки, подсчитывает прибыли, которые можно было бы извлечь из того или иного дела при разумной его постановке, сравнивает, комментирует, убеждает» [7, с. 71]. Впоследствии тема крестьянской общины, впервые поднятая здесь писателем, прошла через всё его

творчество и претерпела эволюцию от стремления повернуть крестьян к общине, исходящего из веры в её силу, к резкой критике общины как символа косности и рутины, источника несчастий беднейшего крестьянства. Роль общины в жизни русской деревни была неоднозначна, и писатель стремился её проанализировать. К крестьянскому циклу Гарина-Михайловского относятся также его очерки «Карандашом с натуры. По Западной Сибири» (1891), в которых отразилось стремление автора обобщить свои наблюдения за жизнью народа в этом отдалённом регионе России. Описывая своё путешествие по Сибири, он рисует рельефную картину жизни этого громадного края, отмечает беззастенчивую эксплуатацию крестьян и приисковых рабочих. Несмотря на то, что многие произведения Гарина, написаны в виде путевых записок или дневника, им присущи и цельность замысла, и законченность художественных образов.

В очерке «На ночлеге» (1898) Н. Гарин-Михайловский рассказывает о типичной, нищей русской деревне, в которой самовар был лишь у писаря. Вслед за Г. Успенским писатель говорит о бедственном положении крестьянства, которое не улучшилось и к концу века. Признаки бедности бросаются в глаза: в деревне нет больших, богатых изб, и дом, в котором заночевали изыскатели, не отличается от соседних. Хозяин, напоминая «загнанного петуха», его измождённая жена, старшая дочь с зелёно-жёлтым испитым лицом, да и остальные обитатели дома имели одинаково болезненный, изнурённый вид. Приезжих удивил прядильный станок, стоявший посреди избы. От него летела пыль, и все ею дышали. В то время уже давно существовал более совершенный станок, с челноком-самолётом; но он стоил десять рублей, которые заработать было просто невозможно.

Деревня, в которой провели ночь изыскатели, являла собой крестьянскую общину, столь идеализированную народниками. Однако в своём очерке Гарин-Михайловский показал и то негативное, что было в этом социальном образовании: «Человек двадцать лет платил выкупные за надел: умер – и семья его нищая. С вдовы мир торопится сорвать всё, что может, и пускает по миру её и детей» [2, т. III, с. 562]. Писатель показывает и страшную роль деревенской морали в судьбе отдельного человека. Скажем, мальчик-пастух, выучившийся грамоте, сдавший экзамен на священника, остался в деревне, потому что «мир» нашёл недоимки и постановил отпустить его только в случае уплаты шестисот рублей. Взять их было негде, и несчастный спился. Гарин-Михайловский открыто говорит о «стадной ненависти», на которую обречены те, кто талантливее, упорнее, смелее окружающих. Как стая бродячих собак, защищая «свою» территорию, загрызает провинившихся собратьев. И никакой идеализации крестьянской общины, так, «суета бескорыстная»... Так по-своему Гарин-Михайловский истолковывает проявление той «власти земли», которая, по наблюдениям Г. Успенского, определяла жизнь русского крестьянина.

Как и Г. Успенский, Гарин-Михайловский дополняет зарисовки крестьянского быта размышлениями публицистического характера. Скажем,

современное ему положение деревни герой-рассказчик характеризовал так: «...нужда лезет во все щели, и вконец обесцененной работой не заткнуть этих щелей» [2, т. III, с. 561]. Он также говорит о бесправии крестьян, объединённых в общины, по сравнению другими сословиями: «Страховку рабочего получит семья, состояние в остальных сословиях – частная собственность; только крестьяне лишены её. Неравенство в сравнении с другими, говорящее громко за себя» [2, т. III, с. 562]. Н. Гарин-Михайловский не просто фиксирует явления русской действительности, но стремится дать им собственное истолкование, и в этом проявляется аналитически-публицистическое начало его очерков.

Очерки Г. Успенского и Н. Гарина-Михайловского относятся к проблемным, в них доминирует пафос объективного исследования. Писатели прорисовывают важнейшие черты жизненных историй своих персонажей, но они не самоценны и нужны для обрисовки социальных процессов, для подтверждения наблюдений, характеризующих жизнь русской деревни. И Г. Успенского, и Н. Гарина-Михайловского интересуют не столько отдельные факты, сколько причины, их вызвавшие. Они продолжили развивать тему жизни русской деревни, начатую ещё в «Записках охотника» И. Тургенева, но делали это по-своему, усиливая социально-аналитическое начало, широко включая публицистическое слово в художественную ткань своих произведений.

Литература

1. Айхенвальд Ю. Глеб Успенский / Ю. Айхенвальд // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей: В 2 т. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. Т. 1. – С. 281–293.
2. Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений: в 5 т. / Н. Г. Гарин-Михайловский. – М.: Гослитиздат, 1957.
3. Соколов Н. И. Г. И. Успенский. Жизнь и творчество / Н. И. Соколов. – Л.: Худож. лит., 1968. – 319 с.
4. Спасибенко А. П. Писатели-народники / А. П. Спасибенко. – М.: Просвещение, 1968. – 429 с.
5. Успенский Г. И. Собрание сочинений: в 9 т. / Г. И. Успенский. – М.: ГИХЛ, 1956.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1974–1983.
7. Юдина И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский. – Л.: Наука, 1969. – 238 с.

Анотація

Гусева О. О. Публіцистична трактовка теми «влади землі» в нарисових циклах Г. Успенського і М. Гаріна-Михайловського.

У статті розглядаються основні принципи зображення життя російського села наприкінці XIX сторіччя у нарисовій творчості Г. Успенського та М. Гаріна-Михайловського. Відзначається, що в цей час нарис досягнув вершини

свого розвитку, і в ньому соціальні явища й факти дійсності не тільки відтворюються, а й вивчаються, оцінюються та осмислюються. У 70–80-ті рр. нарис виконує кілька таких взаємопов'язаних функцій, як інформаційна, дослідницька, публіцистична, естетична. До художнього узагальнюючого принципу типізації звертаються у своїй публіцистичній творчості Г. Успенський та М. Гарін-Михайловський, які у нарисах, що висвітлюють життя російського селянства, сполучають документалізм і художній вимисел.

Ключові слова: нарис, документалізм, автор-оповідач, діалог, соціально-аналітичне начало.

Аннотация

Гусева Е. А. Публицистическая трактовка темы «власти земли» в очерковых циклах Г. Успенского и Н. Гарина-Михайловского.

В статье рассматриваются основные принципы изображения жизни русской деревни в конце XIX века в очерковом творчестве Г. Успенского и Н. Гарина-Михайловского. Отмечается, что в это время очерк достиг своей вершины и в нём социальные явления и факты действительности не только воспроизводятся, но и исследуются, оцениваются и осмысливаются. В 70–80-е гг. очерк начинает выполнять такие взаимосвязанные функции, как информационная, исследовательская, публицистическая, эстетическая. К художественному, обобщающему принципу типизации обращаются Г. Успенский и Н. Гарин-Михайловский, которые совмещают в очерках, освещающих жизнь русского крестьянства, документализм и художественный вымысел.

Ключевые слова: очерк, документализм, автор-повествователь, диалог, социально-аналитическое начало.

Summary

Guseva E. A. Journalistic interpretation of the “Land Power” theme in the sketch cycles of G. Uspensky and N. Garyn-Michaylovsky.

The article deals with the main principles of representation of Russian rural life at the end of the XIX century in the sketches of G. Uspensky and N. Garyn-Michaylovsky. It is observed that during this period of time sketch genre gains its peak and it is important to note that social phenomena and facts of real life are not simply portrayed in it, but also investigated, assessed and interpreted.

In the 70-s–80-s sketch begins to perform such interconnected functions as information, investigation, journalistic and aesthetic ones. In their works G. Uspensky and N. Garyn-Michaylovsky turn to the artistic, generalization principle of typification. In their sketches which describe the life of Russian peasantry they combine facts and fiction.

Key words: sketch, documentary style, author-narrator, dialogue, social and analytical principle.